

ПОД РУБИНОВЫМИ ЗВЕЗДАМИ:

О СТУДЕНЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ГГУ В 1930-Х ГОДАХ

Л.А. Симанская

Молодость нашего поколения — студентов 30-х годов прошла в годы молодости государства, возникшего после краха империи, и потому она была согрета большими мечтами об обществе, в котором для молодых не будет преград. Мы были детьми своего времени, убежденными в том, что не имеем права жить как жили «старосветские помещики», и должны произвести переворот в науке, технике, искусствах и в быту, открыть новые звезды в небе, озеленить пустыни, создать новые сорта животных и растений, построить новые города — города-сады, сделать жизнь каждого человека красивой, содержательной, творческой, без будничных забот и тягостных мелочей. Многие из нас после окончания школы ушли работать штукатурами и каменщиками на строительство Горьковского автозавода, другие поехали осваивать Север. Жили в палатках, бараках, кто в Магадане, кто в Игарке и т. д.

Учились на заочных и вечерних отделениях вузов, много читали, любили поспорить на отвлеченные темы, много работали и мало отдыхали. В те годы считалось мещанством ходить часто на вечера с танцами, носить украшения — серьги, кольца, браслеты, делать вы-

чурные прически, много времени уделять модной одежде и личной жизни. Вероятно, были в эти годы и перегибы, и надо было бы молодым больше веселиться, развлекаться...

Но молодость умела радоваться везде — на субботниках, на стройках, в научных экспедициях, на собраниях и в библиотеках, везде, так как была уверена в своем праве на все лучшее в мире.

Да, молодые 30-х годов не мазались, не были рабами моды, не мечтали о комфорте, дачах, легковых машинах, а были увлечены «покорением Арктики», научными экспедициями в высокогорных лугах, изучением лесов, лугов Родины и ее растительного и животного мира. Готовили себя не к теплоте кабинета в большом городе, а к подвигу на окраинах, неисследованных и неосвоенных, с походным рюкзаком и песней из фильма «Семеро смелых» — «Штурмовать вдалеке море посылает нас страна!..».

Студенты тех лет жили не богато, большинство на стипендию 240 рублей, что в переводе на современные деньги (до реформ) — 24 рубля. Этих денег хватало на питание в дешевых студенческих столовых, а чтобы одеться, большинству приходилось летом работать.

Лидия Анатольевна Симанская (1912–1997) — окончила биофак Горьковского государственного университета.

(Так в один год, мы — Баян Ржанов, Федор Беленов и Лида Симанская, заключив с Московским рыбным трестом договор по обследованию рек, прудов и озер Удмуртии, работали все лето). Несмотря на большие материальные трудности, студенты организовывали веселые вечеринки, причем все готовили пельмени, пирожки из продуктов, которые добывали в складчину. Главным были на встречах не закуска и выпивка, а песни под аккомпанемент гитары и других струнных инструментов. А вот танцы были реабилитированы только на старших курсах, и большинство студентов начали с увлечением учиться западным танцам — фок-стротам и танго. По вечерам часть студентов, проводивших время в читальне Ленинской библиотеки, стали искать знакомства с танцующими девушками с первого курса и пытаться танцевать на вечерах. Войны с Финляндией и фашистской Германией прервали молодость и отняли у многих наших студентов не только мир, семью, смелые мечты юности, но и жизнь.

Незаметно девушки и юноши 30-х годов сделались дедушками и бабушками — ветеранами. Дети и внуки выросли без лишений и войн. Может, не надо было их делать слишком свободными от гражданских обязанностей и окружать заботами старшего поколения? Может, надо было дать возможность самим прокладывать новые пути?

То, что создано на своих путях и своими руками, много дороже, а дерево, которое ты сам посадил и вырастил, трудно срубить...

Я решила написать воспоминания об уходящем поколении студентов 30-х годов — об их жизни в стенах университета города Горького (ныне Нижнего Новгорода) и после его окончания.

И, несмотря на то, что молодые люди и тех лет могут показаться наивными, не умеющими себя держать в цивилизованном, современном обществе, они были более яркими, человечными и одухотворенными, вопреки всем трудностям, лишениям и даже малограмотности в некоторых вопросах. Они жили в особую эпоху, не зная об ее преступлениях, строили новую жизнь, у них была большая мечта. Их творчество, их песни окрашены верой в идеальных героев и идеальные взаимоотношения между людьми. Песни тех лет, как и фильмы, романы и повести, слишком политизированы, приукрашены, часто лишены суровой правды того времени. Изображения нашего времени слишком хороши, чтобы быть правдой, но жизнь была красочной, счастливой в представлении молодых предвоенного времени, которые стремились все знать и быть похожими на своих увлеченных, много знающих учителей.

Рассказы о студентах 30-х годов озаглавлены общим, теперь немодным, названием — «Под рубиновыми звездами».

Л.А. Симанская. 1930-е годы

Я студентка Горьковского (Нижегородского) университета

В 1932 году меня приняли на первый курс геоботанического отделения биофака без экзаменов. Исполнилась моя мечта о высшем образовании, и я чувствовала себя счастливой. Мне думалось тогда, что наш университет организован впервые в 1931 году. Мы не имели тогда даже постоянного здания для занятий, и мы буквально бегали из одного института в другой. Бывали даже драки из-за аудиторий со студентами-хозяевами. Так, однажды предполагалась лекция по историческому материализму для всех первых курсов университета в большой аудитории на первом этаже сельскохозяйственного института. Неожиданно явились студенты агрофака и заявили (хотя предварительная договоренность с учебной частью была), что здесь они будут заниматься по расписанию. Между студентами начался «громкий» разговор, близкий к кулачному бою, как между ними вырос Серафим Чуразов в длинной офицерской шинели, худой, по-военному решительный и сказал: «Вы пройдете только через мой труп... Предупреждаю, я вооружен!». Студенты испугались и разбежались, а мы заняли аудиторию с чувством восхищения его находчивостью. Я не любила и не умела танцевать, но на одном студенческом вечере танцевала с человеком, который мне показался героем.

Я с увлечением слушала лекции, особенно по ботанике С.С. Станкова и по философии Л.А. Маньковского. Я вся светилась переполняющей меня радостью

из-за того, что я, наконец, студентка. Но произошло событие, которое надолго меня оторвало от занятий в университете и новых товарищей. Однажды вечером к нам зашел аспирант сельскохозяйственного института В.Ф. Ш. Мы вместе работали на кафедре почвоведения до моего поступления в университет. Он был в непонятно странном настроении и предложил: «Сегодня морозный, снежный вечер... Хорошо бы нам, как в детстве, покататься с горы на санках». «Хорошая идея!» — согласилась я, просидевшая долгое время за толстыми учебниками. Я достала санки у соседского мальчика, и мы направились к крутой горке на улице Спасской, переименованной в Трудовую. Был действительно чудесный, морозный вечер, все деревья стояли в белом, пушистом инее, снег серебрился от электрических фонарей, в небе было много звезд и плыла небольшая, светлая луна. Мне стало страшно от крутизны обледенелой горы, и я на мгновение задумалась: «Стоит ли рисковать, когда на пороге первая экзаменационная сессия — от этого зависит, получу ли я стипендию, без которой я не смогу продолжать учебу в университете?»

Но мой спутник меня поддразнил: «Трусишь?»

Я решительно села на санки, и мы стремительно понеслись по отвесному склону горы. Я поздно поняла, что В. Ф. не умел управлять санками, и они налетели на камень и опрокинулись. Из-за острой боли в голени правой ноги я не могла подняться. Мой спутник что-то беспомощно искал в снегу. С большим трудом он посадил меня на санки и повез домой. Боль усилилась, и ему пришлось меня поднимать по крутой деревянной лестнице на второй этаж. Бабушка не сразу поняла, что случилось. Он положил меня в шубе и в валенках на кровать и убежал со словами: «Мы будем тебя навещать!»

Бабушка очень взволновалась и не сразу поняла, насколько серьезно мое ранение, но увидев, что не могу раздеться и снять валенки, полные крови, решила меня везти в больницу. Соседские мальчики Витя Сабуров и Коля Долинин отвезли меня на санках по Жуковской улице (ныне ул. Минина) в приемный покой больницы им. Семашко (Мартыновской). Помимо сильной боли, меня мучило и то, что я пропущу занятия в университете и не получу стипендию, придется мне опять работать, а бабушкиной пенсии 16 рублей не хватит даже на самое скромное существование. В приемном покое больницы мне разрезали валенок и вылили из него полный таз крови. Испуганные мальчики пошептались с сестрой и быстро ушли. В дежурном враче в белом халате я узнала школьного товарища Николая Николаевича Блохина (мы учились в одно время в школе им. Короленко) и громко воскликнула: «Коля! Что со мной?»

Он меня успокоил: «Ничего страшного, не волнуйся! Но тебе надо будет полежать в хирургическом отделении, пока ранение не заживет!» — «Я погибла! Я не

сумею сдать зачеты в зимнюю сессию в университете!» — «Тебе надо быть мужественной и не унывать, чтобы поправиться!»

Он остановил кровь, сестра сделала перевязку. Потом меня переодели и, прикрыв теплым одеялом, санитары на носилках отнесли в красное кирпичное здание, в хирургическое отделение, где умер мой дедушка Т.М. Рожанский, проработавший в этой больнице около 40 лет врачом. В хирургическом отделении меня сразу же положили на операционный стол.

Худой, очень подвижный, ловкий и умелый хирург (Н. Лебедев) сделал мне поверхностную операцию под наркозом, обрезал края раны и зашил ее. Потом мне наложили гипсовую повязку, оставив окошко в месте ранения голени. Я внимательно следила за всем, что делали медики с моей ногой. В палатах не оказалось свободного места, и меня положили в коридоре около операционной, а ногу укрепили на подставку так, что я не могла ей двигать. Когда ко мне подошел Блохин, я попросила не говорить моей бабушке правду и успокоить ее, что я долго не залежусь в больнице. Я уже знала, что у меня открытый перелом голени, а это значило, что я не могу сдать зачеты в зимнюю экзаменационную сессию.

Меня утешало то, что теперь я по себе знала, что испытывают раненые (а это было мне надо для сочинения повестей о войне), и возможно навестит друг, с которым мы поссорились... Николай Николаевич выполнил мою просьбу в отношении бабушки. Он ее успокоил и попросил всех сестер и санитарок не говорить о серьезности моего ранения.

Он сказал заплаканной, встревоженной старушке: «Вы жена врача и понимаете, что молодость, хорошее здоровье и настроение будут помогать ей, так же как и мастерство лечащих ее врачей».

У меня не прекращалась острая боль при каждом движении и сотрясении. Шли дни и недели — никто не приходил ко мне, кроме плачущей бабушки.

У меня поднялась температура до 40 градусов, врачи предлагали ампутировать ногу, чтобы не было общего заражения крови. В жару я видела горячий взгляд темно-голубых глаз... и улыбалась. Но в приемные часы всегда приходила похудевшая бабушка и скорбно смотрела на меня карими лучистыми глазами. Несмотря на все старания Николая Николаевича Блохина, обмануть бабушку не удалось. В первый же день встречи она воскликнула: «У тебя перелом кости и тебе скоро не поправиться!» Как бабушка ни старалась, но не смогла не сказать: «Ты не сдашь экзамены, и тебя отчислят из университета. Я предупреждала тебя...» Я лежала под жестким, колючим серым одеялом, из-под которого возвышалась нога на подставке. Мне было больно, я была в жару и раздражалась, встречая любящий, горестный взгляд. «Мне тяжело, бабушка, от твоих слов! Лучше не приходи ко мне!»

Бабушка уходила, убитая моей отчужденностью.

И в довершение ей тоже предстояла операция на руке из-за панариция, пришлось удалить сустав пальца. Я не могла ей помочь и утешить. Меня спас от ампутации ноги друг нашей семьи врач Дмитрий Алексеевич Елкин, который на консилиуме сказал: «Нет ли у нее простуды? Для нее инвалидность, может быть, хуже смерти!» Рана хорошо заживала и была чистой. А я действительно простудилась во время катания на санках. А может, сильно нервничала?

В свободные минуты от работы около меня нередко задерживался молодой практикант Блохин, и мы с увлечением вспоминали нашу любимую учительницу литературы в школе им. Короленко — Лидию Ивановну Картунову. Она долго горевала, что Коля Блохин пошел в медицинский институт, а я на биофак университета. Мы вспоминали наши литературные маскарады и суды, особенно речь Коли Блохина в роли прокурора на суде над Раскольниковым против Ницше и вседозволенности. В школе 1-й ступени в нашей группе было только пять мальчиков. Среди них Коля Блохин выделялся начитанностью и рассудительностью. Мы с ним нередко дрались, хотя мой дед и его отец были знакомы домами. Но в больнице мой школьный товарищ — строгий, собранный, в белом халате — вызывал у меня уважение и даже восхищение. (Он стал известным хирургом, ученым и продолжительное время был президентом Академии медицинских наук и видным общественным деятелем.)

Во время болезни бабушки записку и передачу от нее принес мне Виктор Сабуров. И больная, она заботилась обо мне. (Во время Отечественной войны этот мой друг стал летчиком-испытателем и погиб под Сталинградом. В те же времена он вместе с А. Федяем и Николаем Александровичем Покровским путешествовал по окрестностям города, собирая экспонаты для университетского музея.) Профессор В.Н. Иост и все врачи хорошо ко мне относились и нередко демонстрировали студентам-медикам: «Девушка, которая катаясь на санках, получила усложненное, тяжелое ранение, но никогда не стонет и даже улыбается».

Но на самом деле я не была такой терпеливой и по ночам горько плакала, и, чтобы успокоиться тихо пела песенку из кинофильма «Путевка в жизнь»:

*Эх умру, я умру,
Похоронят меня,
И никто не узнает,
Где могилка моя.*

Ночами я наблюдала за операционной, где часто оперировал профессор В.Н. Иост. Однажды в операционную принесли на носилках молодого, кудрявого паренька. Санитарка мне рассказала, что он напился и, лежа на снегу, обморозил ноги. А потом вынесли вместо стройного юноши обрубок человека. Все сестры и санитарки смотрели на бледное красивое лицо

с густыми темно-каштановыми кудрями и шептались: «Погулял молодец! Без ног... Ах, как плачут теперь его жена и мать, да и сам окаменел от горя».

После серьезных операций крупный, румяный профессор выходил с побледневшим, осунувшимся лицом. Проходя мимо меня, он нередко останавливался и шутил: «Покаталась, черноглазая, с неловким молодым человеком на саночках? Надо по ночам спать, снежная проказница! Видела, что бывает с теми, кто катается легкомысленно с крутых горок? Спать, спать!»

Поправлялась я медленно, нередко по ночам с меня сползало одеяло, мне было холодно, но я не могла его поправить и напрасно звала: «Нянечка, нянечка!» Но никто не приходил, так как санитарки дежурили по ночам только в палатах, далеко от операционной.

Я уже не ожидала свидания с тем, кого считала другом. Приходили ненадолго однокурсницы и передали разговор с профессорами, что меня не будут отчислять из университета, но мне придется учиться на следующем первом курсе. Потерять год, остаться без стипендии! Сумеет ли мы с бабушкой пережить все трудности? Трудно было послушаться профессора и уснуть. Единственной радостью были беседы с практикантом Н.Н. Блохиным, которого я по старой памяти называла Колей. Мы обычно вспоминали школу им. Короленко и нашу любимую учительницу литературы Лидию Ивановну Картунову. Невысокая, с гладко зачесанными темно-русскими волосами с проседью, некрасивым рябоватым лицом и умными добрыми глазами, она казалась нам красивой. Всегда аккуратно одетая: темная кофточка с белым воротничком, длинная старомодная юбка. Она очаровывала нас выразительным чтением произведений Гоголя, Пушкина, Чехова, Достоевского, Некрасова, Горького и др. А как она умела читать стихи! Замирало и холодело сердце при чтении «Белого покрывала» и стихов Блока. Она сумела заставить полюбить не только классическую литературу, но и современную — Маяковского, Серафимовича, Бориса Лавренева, Шолохова и др. Мы иногда возвращались из школы домой с ней вместе, и она рассказывала, что в молодости очень увлекалась театром и даже продала свои косы, чтобы попасть на представление «Чайки» Чехова. Приехал в Нижний Новгород Ф. Шалапин. Гимназистки были им сильно увлечены. Одна очень хорошенькая девушка попросила артиста ее поцеловать. Он, смеясь, поцеловал ее, но посоветовал быстрее выходить замуж. Лидия Ивановна знала хорошо каждого ученика и сумела во всех пробудить интерес к умной книге. Она приходила в класс сияющая, довольная, когда нам удавалось хорошо написать сочинения, но свирепела, когда мы делали ошибки. Она жила жизнью школы и каждого из нас. Меня она хвалила за сочинения и бранила за грамматические ошибки. Увлекательно в нашей школе проходили литературные маскарады и суды. На суде над Раскольниковым блестящую речь прокурора, которого ис-

полнял Коля Блохин, невозможно забыть, как и Веру Филатову, превратившуюся из обычно растрепанной, перепачканной чернилами девчонки в стройную девушку в длинном, белом платье с темными локонами вокруг высокого лба, лебединой шеей и черными бархатными задумчивыми глазами — прелестную Татьяну Ларину. И даже кумир всех девочек председатель учкома Саша Волков с белозубой улыбкой и словно нарисованными, черными бровями обратил внимание на интересную девушку. Для нас еще тогда в больнице были живы воспоминания о школе с нашими играми, любимыми уроками и учителями, спорами и драками во время перемен. Это было не только детство, но и пробуждение серьезного интереса к познанию мира.

Моя любознательность на перевязках пресекалась моим лечащим врачом Н. Лебедевым сердито: «Лежи спокойно! Лучше закрой глаза! Терпи! Будешь помнить катание на санках с гор!» Я сама удивлялась своему легкомыслию в тот снежный вечер.

Дни становились длиннее, и солнечные лучи проникали сквозь стекла окон. Рана моя зажила, а боль при малейшем движении не прекращалась. Но я уже могла приподниматься на руках и смотреть на больничный двор.

Деревья еще стояли в пушистом, белом инее, но снег стал темнеть и появились стайки повеселевших воробьев и играющие дети. Однажды я увидела в окно наших студентов из университета — Васю Моспана со 2-го курса геоботаники и Лару (Иллариона) Мартыненко с 1-го курса физмата. Студенты эти были мне мало знакомы, и я подумала, что они пришли навестить кого-то из своих знакомых. Был неприятный день, и они потолкались у дверей и ушли. Я очень удивилась, когда узнала, что они приходили на свидание ко мне. По ночам я часто плакала из-за своей беспомощности. Я не привыкла спать на спине, но из-за подставки, на которой лежала нога в гипсе, не могла свернуться и согреться, не могла ни укрыться сама, ни переменить положение тела. Через пару дней ко мне пришли на свидание бабушка и те студенты, которых я видела в окно. Мне стало лучше жить от их оживленных разговоров и веселых шуток. И главное, бабушка повеселела от общения с молодыми.

— А я долго тебя искал в университете и не находил, — рассказывал Вася Моспан, — я спрашивал многих: «А куда делась светлая личность? Куда делась первокурсница в красной шапочке?» «Она же не светлая, а темная, у нее глаза и волосы черные», — возражали мне. «Нет, нет, — говорил я, — у нее глаза ясные, с золотистыми искорками, и вся она светилась радостью». И наконец мне сказали: «Интересующая тебя светлая личность каталась с каким-то доцентом на санках и сломала себе ногу. Теперь лежит в больнице». Вот мы решили тогда навестить тебя, но попали в неприятные часы. Мы были у тебя дома, и сердце у нас сжалось от жалости к твоей бабушке. Сидит та-

кая старенькая одиночка и курит... Скучает без внучки, в глазах слезы. Она очень обрадовалась нам. Поставила маленький самоварчик, и мы пили с ней чай с коржиками, которые прислали Лариону. И говорили о тебе. Теперь мы будем каждый день (по очереди) ходить к ней и помогать ей, пока ты не поправишься, — говорил мне Вася с добрыми, серыми глазами и густой, пышной, волнистой, светло-русой шевелюрой.

«А где тот негодный хлопец, что сломал дивчине ногу и сховался?» — допытывался у бабушки Лара, высокий, стройный с голубыми, то строгими, то веселыми глазами.

«Покажи его нам, мы ему обе ноги выломаем!» — шутили студенты.

Свои обещания студенты выполнили. И не только навещали меня в больнице, но и помогали бабушке. Бабушка говорила: «Плохо бы мне было без твоих мальчиков. Они носят мне дрова, воду (в нашем доме не было водопровода), покупают продукты и папиросы (без которых она не могла жить)».

Когда бабушка благодарила студентов, они отшучивались: «Мы убедились, что Вы без нас не проживете, но и нам без Вас было бы плохо. Вы перечинили всю нашу одежду, поштопали наши носки и нередко (из наших продуктов) подкармливаете домашними, вкусными кушаньями. Мы отдыхаем в семейной обстановке от шума общежития».

Бабушка соглашалась: «Не смейтесь, но действительно я без молодых друзей пропала! Представь, Вася выхлопотал через профком материальную помощь тебе, и теперь я проживу до моей пенсии. Не думай, я ничего не просила, он сам догадался, что у меня нет денег. А Лара как добрый хозяин видит, что надо сделать в доме».

И Вася, и Лара были удивительно внимательными и чуткими, замечали малейшее изменение моего настроения и старались отвлечь от мыслей, что останусь калекой на всю жизнь.

Вася сказал мне строго: «Тебе с бабушкой невозможно долго прожить без стипендии. Сегодня же начнем заниматься серьезно науками, чтобы получить повышенную стипендию. У меня сохранились хорошие записи лекций за первый курс. И, кроме того, я буду приносить тебе учебники и книги и заниматься с тобой. Не надо только раскисать! Уверен, что выдержишь весной экзамены и получишь стипендию. А при хорошем настроении и нога поправится быстрее». Мы стали заниматься, появились надежда и хороший сон, и аппетит. Мы с бабушкой перестали плакать. В тяжелые дни у нас появились настоящие друзья. Я с нетерпением стала ждать, когда на свидание в больницу явятся бабушка и товарищи-студенты. Мы еще не успевали наговориться, а уже приходилось рас-

ставаться. Дежурные сестры добродушно выпроваживали моих гостей из палаты (в которую меня перевели), но они еще задерживались в дверях. В палате, в которой я лежала, было много больных с тяжелыми повреждениями конечностей, и их фигуры часто напоминали самолеты из-за подвешенных на блоках подъемных кранов руках и ногах.

Улучшилось настроение, и я стала быстрее поправляться. Я была спокойна за бабушку, у которой появилась молодая семья, и по-братски полюбила своих товарищей, и мысленно говорила: «Хорошие мои, сколько радости внесли вы в нашу жизнь и помогли нам! Сумею ли я оценить дружбу?»

Я знала свой характер, когда, увлекаясь естественными науками и путешествиями, я часто забывала о своих близких. Юность эгоистична, старость беспомощна, но радость — всегда радость. В тот период жизни дружба товарищей высушила наши слезы и облегчила нашу жизнь во время моей тяжелой болезни. Друзья-студенты ворвались, как весенний ветер, в больницу — глаза бабушки опять ярко засияли, она стала улыбаться. И я стала добрее и больше не грубила бабушке. Во время болезни меня очень тяготили ее страдающий вид и заплаканное лицо. После ее ухода я раскаивалась и мучилась. После же появления молодежи наши встречи стали праздником, и я больше не говорила: «Не мучь меня, не могу переносить твоих слез!»

Рентгенолог утверждал, что у меня не было перелома кости, так хорошо она срослась. Но прошло 6 месяцев, а чувство острой боли у меня не проходило, я не могла ходить даже на костылях. Это тревожило меня, несмотря на заботу окружающих меня людей. Весной меня решили выписать из больницы домой, однако гипс с ноги не сняли. В больнице называли мой перелом «санной травмой». Медики часто ставили меня в пример другим больным: «Посмотрите на вашу соседку, у нее перелом серьезнее, но она не жалуется и никогда не стонет. Значит ей не больно!»

Но я была только внешне спокойна, а наедине с собою очень тревожилась от мыслей, что останусь на всю жизнь калекой-хромоножкой. Мне снилось по ночам, как из операционной выносили молодых людей без рук и ног. Смогут ли они быть в жизни счастливыми?

Меня иногда спрашивали: «А где тот, который помог тебе искалечиться?» Я забыла о нем давно. Забыла и о том, которого ждала, несмотря на мучительную боль.

С грустью тайно все же решила: «Не пришел... Значит никогда не любил и даже не был другом... “Ах, не любил он!”»

Товарищи-студенты грозились: «Пусть не покажется нам на глаза!»

Несмотря на все огорчения, я радовалась весне и с надеждой на выздоровление собиралась домой. Я видела

в окно скворцов с синевато-черным оперением и желтыми носами и лужи тающего снега, в котором отражались темно-голубое небо и облака.

На практике в Куйбышевском заповеднике

*Юность, юность — ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь!
Счастья хочешь — счастлив будь,
Нынче, завтра — неизвестно.*

Лоренцо Великолепный

В 1935 году Горьковский университет послал меня в Куйбышевский заповедник на производственную геоботаническую практику. Управление всеми куйбышевскими заповедниками находилось тогда в г. Пензе. Я поехала туда вместе с моим однокурсником Федором Волковым, который впоследствии погиб на фронте в Отечественную войну. Он был тогда очень юным, круглолицым, с веселыми, карими глазами, как и большинство в его еще мальчишеском возрасте, старался держаться с наигранной развязностью. Мне не очень нравился мой попутчик, так как я привыкла к более внимательному отношению, и мне пришлось таскать самой свои вещи, и везде заботиться иногда не только о себе, но и о нерасторопном товарище. Как правило, когда я путешествовала одна, встречались более заботливые мужчины. В Пензе на пути к Управлению заповедниками я поскользнулась и упала. Проходящие начали смеяться над моим товарищем: «Ну и неповоротливый кавалер, не сумел девушку вовремя поддержать!» Федя очень обиделся: «Что, мне тебя под руку надо было вести?» Я его успокоила: «Они же не знают, что мы не по своей воле путешествуем вместе... И я умею сама о себе заботиться».

Мы не очень дружили с товарищами по курсу, а чаще выбирали друзей на старших курсах или на физмате, где студенты были старше и казались нам интереснее, а наши однокурсники заводили дружбу со студентами, с которыми знакомились на вечерах с танцами. В Управлении нас встретил известный местный ботаник Иван Иванович Спрыгин, который разлучил нас, и Волкова послал в Бузулукский бор, а меня в известную по ботанической литературе Попереченскую степь. Мы расстались без сожаления и даже не договорились об обратном отъезде. Я на него смотрела как на наивного мальчишку, а для него я была «городской воображалкой». Пенза в те годы была тихим, зеленым городком с уютными, деревянными домиками, с балконами, занавесками, с канарейками в клетках, с плодовыми садами, зелеными лужайками и тишиной. В городе имелись небольшой ботанический сад, организованный И.И. Спрыгиным, очень неплохой, городской лесопарк и даже Мичуринский сад, высаженный в степи энтузиастом-любителем. В Пензе

уже функционировал велосипедный завод и все жители от мала до велика ездили на велосипедах. В Управлении нам уделил немного времени и внимания Иван Иванович, несмотря на возраст, очень подвижный и молодежавый. Он увлеченно показал нам все достопримечательности своего детища — ботанического сада и селекционного участка, а потом поехал сопровождать меня в степной заповедник. Волков поехал один в сосновый бор, выросший на выходах песчаника в степи. И вот я осталась одна в Попереченской степи.

На кордоне — в небольшом, глиняном домике жил объездчик, который был занят только своим хозяйством — коровой, овцами, свиньями, курами — и лошадьми Управления заповедника.

Мне пришлось одной знакомиться с этим участком северной разнотравной степи.

Я написала одному своему однокурснику Баяну Ржанову, который прислал мне письмо из Дагестана о том, что работает там в геоботанической экспедиции по изучению лугов под руководством знаменитого специалиста Раменского и много узнал за первые дни практики нового. Я же писала ему: «Ты пишешь, что доволен своей практикой... У меня же она проходит менее удачно. Никаких научно-исследовательских работ в Попереченской степи не проводится, ботаника, который руководил бы мной, нет! Сюда из Ленинградского зоологического музея приезжали на 2–3 дня энтомолог из отдела мух (самозабвенно увлеченная галлицами — маленькими оранжевыми червячками, образующими на растениях вздутия) и два зоолога, и еще научный работник из Пензы Де-Ливрон — мой официальный руководитель практикой. Де-Ливрон очень высокий и худой мужчина, похожий на Дон-Кихота и, несмотря на пожилой возраст, легко бегаёт с сачком за жуками-наездниками. Он показал мне много интересных насекомых, особенно жуков-богомолов. Флора и фауна степного участка бедна и изучить ее не представляется труда, тем более что Попереченская степь отлично описана А. Алехиным в его труде: «Степи Центрально-Черноземной области». Но я каждый день обхожу этот участок степи от ее пограничных канав, за которыми тянутся распаханное поля. Неумолчно поют над степью жаворонки, словно повисшие в воздухе. В густой траве перекликаются перепела. Качаются на крупных желтых коринках козлобородника желтенькие трясогузочки. Изредка со зловецким криком сова поднимается в небо, взмахивая серебристыми крыльями. По паровым полям бродят небольшими стадами дрофы, редко теперь встречающиеся, но они очень осторожны и близко к себе не подпускают человека. Один раз видела мелькнувшую рыжей шерстью лису. Неумолчно на все голоса стрекочут в степи кузнечики. Попереченская степь — это перепашанный участок Куйбышевского заповедника, площадью 280 десятин (интересно сохранился ли он

до наших дней или уничтожен практической деятельностью человека?), который состоит из залежи, вышедшей из пашни с крепостного права, и целинной степи (так числится она на картах генерального межевания времен Екатерины II). Целинная степь здесь сохранилась благодаря примитивному хозяйствованию помещика Ивлинга, который с одного конца «драл» степь, с другого запускал пашню. Попереченская степь состоит из участков кустарниковой степи, остатков «Осиновых кустов» и типично луговых ассоциаций в низинах оврагов и типчаково-разнотравно-ковыльной степи в плакорных условиях. Степь хороша в начале июня, когда цветут белоснежные кусты альпийского полигонума, темно-лиловые ирисы, голубые незабудки, шалфей, многочисленные ястребиновки, козлобородник, белые поля поповника, неправильно называемого ромашкой, лютики, красновато-пурпуровые, дикорастущие гладиолусы и др.

В заподинках бросаются в глаза сочная зелень чермерицы белой, розовые раковые шейки, желтые кустики красильного дрофа. Кое-где среди разнотравья серебрятся пушистые перья иванова ковыля и кусты шиповника. В этот период степь девственно хороша и красочна.

Но уже в середине июля степь лежит плоская, побуревшая, с буро-красными оголившимися веточками полигонума, палкообразными стебельками отцветшего козлобородника и шалфеев. Однообразный бурый участок степи переходит в черноту распаханного поля. Скучный, однообразный ландшафт до горизонта один и тот же. Полноводный весной Хопер летом пересыхает и течет ручейком в безлесной местности».

На этом я закончила свое письмо Баяну Ржанову в Дагестан. Мне не хотелось рассказывать ему ни о чем больше. В степи еще были интересны мары — сохранившиеся сторожевые курганы, на которых в старину русские воины жгли костры, предупреждавшие об опасности набегов кочевников. Очень интересна была в этих местах крупная, бегающая птица дрофа, но к сожалению, она ни разу не подпустила к себе близко. В жаркие дни здесь на горизонте бывают миражи — марево, обманчивые видения, то голубой струящейся воды, то зеленые кроны никогда не произраставших здесь деревьев. Степь весной мгновенно ярко расцветает и быстро бурееет из-за недостатка влаги, но она летом продолжает неумолчно шуметь. Весной я обратила еще внимание на сурчины с зарослями степных, красиво цветущих кустарников — бобовников и астрагалов. Мне надоело ежедневно бродить от одной оградительной канавы до другой, стало скучно в обществе сонного сторожа-надзирателя и надоело наблюдать, как стекаются в степь взрослые и дети за клубникой. Небольшая группа привилегированных, знакомых сторожа, располагалась в центре, а остальные боязливо толпились на окраинах, очарованные спелыми ягодами степной клубни-

ки. Но в момент, когда вожделенные ягоды собраны, обычно появляется охранник на лошади и отбирает ягоды с руганью, а иногда с ударами плетью. Пугаются птицы и плачут дети: «Дяденька, я больше не буду! Верни ведро, прошу тебя!»

Ноги вязнут в прошлогоднем, мертвом войлоке и шапках зеленого мха. Ковыли явно угнетены на этом степном участке. Попереченская степь — это участок когда-то широко распространенных степей и теперь имеет лишь теоретическое значение. Я описала геоботанически несколько 100-метровых площадок и однометровых, собрала и засушила гербарий, и сильно заскучала по новым знаниям. Однажды я села на проходящую мимо грузовую машину и самовольно уехала в Пензу. В Управлении заповедниками я ночевала пару дней, причем у меня создалось впечатление, что в научном учреждении главную скрипку играют не ученые, а хозяйственники-мошенники, возглавляемые завхозом Самодуровым. Вместе с научным сотрудником из Ленинграда энтомологом Домбровской я уехала в лесной заповедник Сосновый бор на попутной машине, получив согласие моего руководителя практикой Де-Ливрона, так как Спрыгина на месте не оказалось. В лесу я воспряла духом и написала письмо бабушке и друзьям:

«Дорогие мои! Я живу в сосновом лесу на берегу р. Суры. Здесь великолепный сосновый лес, переходящий незаметно в лесные участки Куйбышевского лесничества. Куда ни взглянешь, ровные золотистые сосны, называемые в лесхозе «пиловочник». В небольшом деревянном домике в лесу живут сотрудники заповедника — зоолог и ученый-лесовод. Стараюсь восполнить неудачи первых дней моей практики. В степи я узнала только 200 новых растений, а здесь надеюсь получить интересующие меня знания в области лесоводства и лесоведения. Изучением типов леса я хотела бы заниматься серьезно в будущем. Я узнала много интересного о жизни лесных вредителей — короедов, усачей, златок, непарного шелкопряда и др., а также и защитников леса, не только птиц, но и жужелиц. Читаю труды Среднерусского заповедника, а в часы отдыха «Беломорстрой». Получила еще два письма от Баяна Ржанова. Он спрашивает адреса всех наших студентов, но я сумела сообщить только адреса Тоси Секундо на биологической станции ГГУ в Пустыни и Феди Волкова в Бузулукском бору. У меня же производственная практика похожа на летний отдых. Я стараюсь получить знания даже в здешнем лесхозе, у тех, кто рубит лес, а не выращивает его.

Я хорошо загорела, окрепла, много двигаюсь, ежедневно плаваю в Суре, набралась новых впечатлений и знаний. Ученый-лесовод самозабвенно пишет солидный труд о возобновлении сосны и изредка гуляет с женой, а в лесничестве сажают сосну на плато с плодородной почвой, на которых посадки сосны заглушаются чернолесьем. Я первый человек из за-

поведника, который пришел в лесхоз учиться, и этим так очаровала всех лесников, что они не только стали меня учить таксации, но стали слушать и мои советы. И, так как мною никто не руководит, я целые дни провожу в лесу с рулеткой, высотомером, где описываю по геоботанической методике пробные площадки в наиболее типичных ценозах соснового леса. Здесь я никогда не скучаю, стараюсь проникнуть во все лесные тайны — следы зверей, голоса птиц, ходы насекомых в сосновой коре, естественное возобновление. Здесь мне интереснее, чем на степном кордоне, но я боюсь, что мне не простит побега влюбленный в степи ботаник И.И. Спрыгин, организатор не только ботанического сада в Пензе, но и Куйбышевского заповедника, состоящего из нескольких степных участков, заповедника на Жигулевских горах, лесных участков (Сосновый бор на берегах р. Суры и Бузулукский бор в лесостепи). Иван Иванович, как юноша, влюблен в науку о растениях и ценологию (геоботанику), обходит с нежностью каждый посаженный им кустик и молодые деревца — белые акации, укусовые деревья, сибирские кедры, каштаны, пихты, розы и т.д.

Только благодаря его бескорыстной любви к природе и удивительной энергии удалось сохранить от уничтожения редкие типы растительности в Попереченской степи, единственный хвойный лес в степи — Бузулукский бор, представляющий большой научный и эстетический интерес. Я восхищалась беловолосым ботаником Пензы во время экскурсии студентов Московского географического института по всем куйбышевским заповедникам. Молодые уставали, просили отдыха, хотели пить, а И.И. Спрыгин и преподаватели института профессор почвоведения Парубиновский и ботаник Назаров не знали усталости и подбадривали малодушных веселой шуткой. Но опыты профессора Спрыгина по влиянию на степную растительность, проводившиеся им в Попереченской степи, меня не заинтересовали.

Лошади Куйбышевского заповедника паслись вольно, на отведенных для выпаса участках степи. Иван Иванович считал, что дерн, появившийся в степи из прошлогодней травы в естественных условиях, уничтожался копытными животными, пасущимися в доисторические времена в степях в больших количествах. Я удержалась от спора с пожилым ученым, но была убеждена, что в наше время невозможно искусственно создать условия, необходимые для восстановления тучных черноземов и возрождения степи. Вместе с профессором Спрыгиным в Куйбышевском заповеднике работал энтомолог Де-Ливрон, родом из французских дворян, вычурно-манерный, разносторонне образованный человек, необычный во всем — в одежде, манерах и рассуждениях: «Вы примирили меня с современной молодежью, которой я не мог простить примитивность, в Вас же диалектический материализм сочетался с культурной утонченностью».

Он мне читал сентиментальные стихи о душистых жасминах, любимых белых цветах. Когда в деревнях появлялась высокая, худая фигура в оригинальной соломенной шляпе, темных очках и с сачком, которым он ловил бабочек и жуков-наездников, все жители выглядывали в окна, а ребяташки с криками бежали следом. Обычно в экскурсиях сопровождали его милостивая дочка Вика и четверо сыновей, вооруженных сачками и увлеченных коллекционированием насекомых. Он хотел и меня увлечь энтомологией и засадил за определение жуков, но в избах было так много зверски кусающихся блох, что я сбежала.

Но он открыл мне очень интересный мир короедов, отличающихся друг от друга и биологически, и рисунком на древесной коре (гравер, топограф, большой лубоед, малый лубоед). У каждого вида были свои характерные рисунки маточных и личиночных ходов и вылетных отверстий. Так, большой лубоед, как дробью, пробиывает березовую кору и через эти отверстия вывозит и выбрасывает перемолотую в порошок древесину. Короеды, как муравьи и пчелы, живут общественно, поражают сложностью своих трудовых и семейных отношений. Я стала наблюдать на коре деревьев в лесу следы борьбы между вредителями леса (точильщиками древесины — короедами, усачами, слониками, златками) и защитниками растений (божьими коровками, жужелицами, наездниками, сульфидами и др.).

К сожалению, я забыла его стихи “И я храню в памяти с детства тот садик, где белые, душистые жасмины я нарвал”, но я хорошо запомнила его любимое латинское изречение: “Odi profanum vulgus” (“Ненавижу невежество”)*.

Он разделял мнение ленинградского биолога профессора Порецкого «о биологической трагедии женщины», которая живет больше чувствами, чем разумом. Мне очень хотелось поспорить с моим руководителем практики, но я сдержалась из-за боязни плохого отзыва в университет по поводу моего бегства из Попереченской степи. (Однако он прислал очень хороший отзыв и рекомендовал меня на научную работу.) В Пензе я встретила Волковым и он очень меня удивил, что познакомился с молоденькой дочкой Де-Ливрона Викой, и казался очень симпатичным, веселым и очень вежливым. Мы побывали в обществе Де-Ливрона и ленинградского энтомолога Е.В. Домбровской в деревне Пустынь вблизи р. Хопра, и там она прочитала нам свои стихи:

*Тот, кто нашу жизнь называет серой,
Сер, как осенняя хмарь, сам,
Хныкать и строить замки-химеры
Только трусливым дано сердцам.
Дальше, вперед по путям достижений,
Солнечным блеском залит горизонт,
С песней смелей, не снижая стремлений,
Дальше, вперед!*

Домбровская написала свою восторженную оду, увидев в местном совхозе электрические огни. По словам Де-Ливрона, “эта женщина любит только социалистическое строительство и целовала турбину”. Домбровская была не очень красива, у нее были и другие увлечения, судя по ее повести “Женщина у костра”, в которой увлеченно и эмоционально описала Смоленский лесной заповедник. Она совершила много экспедиций по Советскому Союзу и водрузила на карте много красных флажков в районах распространения галлиц. Она собиралась такие флажки приколоть во многих местах на карте мира. Она не имела семьи и потому свободно путешествовала, и всю себя отдавала любимому делу. Стоило кому-нибудь склониться над растением, она подбегала к нему с трепетным вопросом: “Что, что, галлицы?” Мы смеялись над ее увлеченностью: “Вы, кажется, думаете, что мы, как Вы заняты только галлицами?”

За глаза ее называли “Галлицей” и считали странной и немного помешанной. Я была тогда молодой и не задумывалась над вопросом, как устроить жизнь, чтобы иметь возможность и все условия работать исследователем, путешествовать и не быть одинокой?»

Мне хорошо жилось летом 1935 года среди стройных, золотистых сосен на берегу р. Суры, в которой я каждый день плавала среди белых и желтых кувшинок. Работники лесничества щелкали по-волчьим зубам на строевой корабельный лес в заповеднике. Я не могла понять, как они могли не видеть величественной красоты сосновых боров и не жалеть их? Неужели выполнение программы заготовки пиловочника может быть важнее судьбы русского леса?

Я училась в лесничестве правильно пользоваться высотомером, определять возраст и зрелость древостоя. Проводя с лесниками таксацию, я упрекнула их за посадки сосны на черноземных почвах, где она будет заглушена листовыми породами. Они сознались, что отнеслись формально к молодым посадкам, лишь бы поставить галочку. Я была счастлива среди природы и от того, что приобрела много полезных сведений по лесоведению и лесоводству. Я писала домой:

«Люблю наш лес! Сказочно прекрасны стройные, корабельные сосны! Как загадочно шумят они своими вершинами. Хотелось бы дышать и дышать воздухом с медовым, смолистым ароматом сосновой хвои. Ах, как легко дышится здесь! Хожу часто босиком по горячей пыли лесных дорог. Блаженствую в чащобах, замираю, прислушиваясь к шуму вершин. Дышу полной грудью терпентиновым воздухом, не в силах отвести глаз от волшебной игры света и тени, солнечных пятен на золотистых стволах сосен, от причудливой тени на зеленых мхах и серебристых лишайниках. Тишину леса иногда нарушают прыгающие с ветки на ветку белки. Могу смотреть на прелестных зверьков часами. Иногда белочка обломит ветку, спустится на

* Odi profanum vulgus et arceo (лат.) — Я ненавижу непосвященную чернь и держу себя вдали от нее. Гораций. «Оды». — Ред.

землю, подберет лапкой упавшую сосновую шишку и карабкается с ней на вершину. И опять тихо, пока не застучит пестрый дятел и не донесется с реки крик водяной курочки: “Уить, уить, уить, пить!”.

Описав несколько геоботанических площадок и собрав с них гербарий, иду к р. Суры.

Сосны отражаются в зеркальной, голубой поверхности реки. Бесшумно скользит среди желтых и белых кувшинок черный блестящий уж, пугая жалом и всем своим змеиным обликом. С женой ученого-лесоведа мы встречаемся только поздно вечером, когда я прихожу за кипятком. Эта соблазнительная дама с локонами и зеленовато-серыми глазами навывкате, пышной фигурой высушила своего щупленького, изможденного от науки и любви ученого-лесоведа. Однажды я ушла далеко в лес и встретила там человека похожего на бродягу. Я испугалась, но не показала виду. Он исподлобья посмотрел на меня и спросил мрачно: “Не боишься по лесу ходить одна, девчонка?” “Я не одна, нас здесь много, — беспечно ответила я, — а хищных зверей здесь нет, гадюки встречаются редко”. — “Злой человек опаснее зверя”. — “А в каждом человеке, я верю, есть не только плохое, но и хорошее и... красивое”. — “И во мне есть красивое?” — “Не может не быть, конечно, есть!” — “Посмотри лучше на меня!” — “Вы, вероятно, как и я, любите этот лес, реку, пение птиц?” — “Почему думаешь, что люблю?” — “Жить среди такой красоты и не любить ее невозможно!” — “Смешная ты и говоришь непонятно?!” — “Нельзя быть только зверем, среди зверей. Я часто думаю, что люди скоро будут жить, как птицы, свободными и где захотят: зимой в России побегать на лыжах, весной в Италии или Испании погулять в цветущих садах, среди персиковых и миндальных деревьев, а осенью в Африке отдохнуть под тенью финиковых пальм”. — “А когда люди будут работать и семейно жить?” — “Работать они будут везде с помощью умных машин, которые будут строить, сеять и собирать урожай, учить детей, лечить больных, даже издавать книги и сочинять музыку. Люди все будут уметь делать, и открыты будут для всех дома-дворцы, с ресторанами, магазинами, спальными комнатами, с ваннами с теплой водой, гардеробами с нужной одеждой и другими вещами. Можно будет питаться и одеваться по собственному желанию и вкусу. Служить людям будут автоматы, готовить пищу, стирать, мыть посуду, убирать помещения и даже играть на всех музыкальных инструментах. Каждый человек будет отдавать обществу по способностям и получать по потребностям”.

Я говорила с таким увлечением и с такой уверенностью, странный лесной человек снял шапку и переспросил: “Все будут равными, не будет, как блох, начальников, главное, что труд станет легким и всем всего станет хватать, а когда будут достатки, перестанем и мы злобствовать?” — “Будет так, доживем до хорошей жизни!” — уверенно сказала я и тут увидела, что за разговорами мы незаметно дошли до доми-

ка лесного заповедника. Мы распрощались, а потом я оглянулась и увидела, что бродяга в солнечных лучах помолодел и смотрел мне вслед добрыми глазами. Он поверил мне потому, что я тогда верила — так будет.

Главное было не в том, реальна или нереальна была моя фантазия в сосновом лесу на берегу р. Суры, а в том, что мы поверили, что жизнь — это стремление к совершенству и счастью!»

В ответ на это письмо в Горький я получила встревоженное письмо от моей бабушки с советом поменьше фантазировать и одной далеко в лес на заходить.

Но в молодости мы редко прислушиваемся к мудрым наставлениям стариков.

Горьковские студенты на каникулах в Ленинграде

Я считалась на нашем курсе знатоком философии, но только раз мне удалось воспользоваться моими познаниями в практической жизни.

Нас за хорошую успеваемость на 3-м курсе премировали поездкой в Ленинград, причем оплатили только дорогу. Естественно, у нас не было средств на оплату проживания в гостинице и мы остановились в общежитии Ленинградского университета, но 4 мест там не хватило.

И тогда староста нашего курса решил, что Тося Секундо, Лида Симанская, Надя Горохова и примкнувшая к нашей экскурсии Манефа Кириллова сами сумеют найти жилье: «Вы бойкие девушки и найдете выход». Тоня Секундо уехала к своим родственникам, ну а мы не имели даже знакомых в Ленинграде. Вышли на набережную Невы в глубокой задумчивости. Куда идти? Где искать ночлега в незнакомом городе? И вдруг вижу надпись: «Институт философии и лингвистики»*. Говорю: «Идем в профком!»

В профкоме нас встретили вежливо, но возразили: «Вы студенты-биологи университета? Какое отношение имеете к нам?». И тут я прочитала лекцию о желательности тесной связи диалектического материализма и естественных наук, о нашумевшем тогда диспуте материалистов-механистов-физиков с деборинцами.

Я убедила в конце концов студентов философов из профкома, что биологам надо помочь.

Председатель профкома получил разрешение у администрации института на наше временное вселение и повел нас в свое общежитие около Тучкова моста. Но студентки запротестовали против вселения чужих. Председатель профкома растерялся, не знал как нам помочь. Огорченные, мы стояли в коридоре. После грубого обращения с нами девушек нам было не до философии.

Манефа же подошла к группе студентов, стоящих у окна, и нижегородским говорком пожаловалась: «Какие плохие у вас девушки! Они не только нас, но

* Имеется в виду ИФЛИ — Институт философии, литературы и истории. — *Ред.*

и своего председателя профкома буквально выставили из своей комнаты». Когда студенты-философы узнали причину нашего огорчения, они быстро нашли возможность нам помочь. Они переселились и освободили для нас небольшую комнату на четыре человека, и даже вызвались протопить в ней печку, чтобы не было сырости.

Мы прожили все каникулы в этом общежитии, правда, на философские диспуты у нас оставалось мало времени. Мы уходили в 7 часов утра и приходили в 9–12 часов вечера. Мы несколько раз были в Ботаническом саду на ул. Попова и Академическом гербарии, где познакомились со всеми корифеями ботаники, авторами многих известных классических трудов: Федченко, Бушем, Юзепчуком, Комаровым и его секретарем Софьей Геннадиевной Горшковой, очень любезной и доброжелательной дамой. В музее палеонтологии с нами беседовал знаменитый Криштоффич. В Ленинградском университете мы встречались с автором «Гравюры на дереве» и «Стратегической ошибки» Борисом Лаврениевым, побывали в лабораториях академика И.П. Павлова, в Зоологическом и этнографическом музеях. Эрмитаж и Русский музей произвели на нас особенно сильное впечатление. Побывали мы и в ленинградских театрах: театре им. Кирова (в бывшей Мариинке), в драматическом Александринском, в консерватории, Академической капелле и т.д. Побывали мы еще в домике Петра I, Петропавловской крепости, Летнем саду и Исаакиевском соборе. Ходили, очарованные по паркам, музеям и улицам, на которых восхищались памятником Петру, лошадьми Клодта на Мойке, Александрийским столпом, архитектурой, порядком и чистотой. Зачаровывала и любовь ленинградцев к своему городу и его истории.

Возвращались в общежитие полные незабываемых впечатлений. К нам заходили соседи, уступившие нам комнату, помогали нам топить печку и улыбались, слушая наши восторги.

Мы забывали поесть, мало спали. Нам хотелось многое увидеть, а время наше в Ленинграде приближалось к концу.

Мы побывали во многих театрах Ленинграда благодаря настойчивости моей приятельницы Манефы, которая окончила сельскохозяйственный институт в два с половиной года, а теперь продолжила студенческую жизнь в университете. Она бывала на всех наших вечерах, экскурсиях и теперь сумела поехать с нами в Ленинград. У нас было мало денег, поэтому нам поручили добыть контрамарки. Мы с Манефой обошли администраторов всех театров и клубов и везде получили отказы, так как у ленинградских студентов тоже были каникулы и в театральные кассы были проданы билеты на дешевые места. Что ж делать? Мы на наши суммы могли удовлетворить билетами только несколько человек. И вдруг видим: «Дирекция над всеми зрелищами Ленинграда». Пошли?

Встречает швейцар в красивой форме и раздевает нас. Кругом зеркала, ковры, вся обстановка старинного особняка приводит нас в трепет. Немолодая, любезная женщина, вероятно, секретарь выслушивает нас и, кажется, хочет помочь. Но появляется быстрый молодой человек и возмущается, пытается нас выпроводить: «Идите к администраторам театров, нельзя директора над всеми театрами беспокоить такими пустяками!».

Но тут Манефа плотно усаживается в мягкое кресло и говорит со своим нижегородским ударением на о: «Не пойду! У вашего начальника голос хороший. Я слышала, как он говорил по телефону. Он не бюрократ, а честный советский администратор. Он поймет, что студентам из Горького невозможно уехать, не побывав в театрах Ленинграда».

На шум в приемную вышел сам директор и спросил густым приятным голосом: «В чем дело, товарищи?» — «Ждали, ждали, когда Вы освободитесь, а Вы, оказывается, и помочь нам не можете!»

Он нас внимательно выслушал, а потом стал шарить по своим карманам, вынул два пригласительных билета на лучшие места во все зрелищные учреждения Ленинграда на 3 дня. Мы схватили билеты, поблагодарили его и женщину-секретаря, выбежали на улицу в такой радости, что прохожие на нас оглядывались. Манефа же воскликнула: «Вот ребята нас расцелуют». Мы на свои деньги докупили еще билетов в лучшие театры. Мы успели только попасть, не переодеваясь в Александринский театр на «Аристократов». Мы сидели во втором ряду партера, среди нарядной публики, и от смущения наступали на ноги соседей подшитыми валенками. Радость нас переполняла так заметно, что окружающие не сердились на нас и некоторые нам улыбались. Все студенты нашего курса побывали 2–3 раза в театрах и клубах Ленинграда, но, не пережив наших приключений, не особенно нас благодарили, тем более не все смогли получить, что хотели, за недорогую плату.

Я долго после этой поездки мечтала о переезде из Горького в Ленинград, хотя любила родной город с Волжским откосом во все времена года. Особенно весной, когда пробивается первая яркая зелень и обильно цветут желтые одуванчики, и солнечной осенью, когда горят оранжево-пурпурными красками клены на изумрудно-зеленом фоне откосов и на сырую землю ложится золотистый ковер из опавших листьев. С крутых берегов видны дальние луга, озера и селения, и кажется, что удалось заглянуть в бесконечность, в которой есть только голубизна неба, округлая земля и сказочно красивые облака. Эта красота природы волновала и в молодые студенческие годы, и когда поседел волосы и нет быстроты движений... и больше неудержимо не тянет к перемене места.

Преддипломная практика в Крыму в 1936 году по изучению реликтовых лесов из древовидного можжевельника

Студенческие годы прошли для меня очень интересно. Я увлекалась естественными науками, особенно ботанической географией, и философией диалектического и исторического материализма. Я много читала не только рекомендованную преподавателями литературу, но и произведения писателей и философов античности — Аристофана, Эмпедокла, Еврипида, Софокла, Лукреция Кара («Природа вещей» — «De Rerum Natura»), Лонга («Дафнис и Хлоя»). Пыталась читать Фейербаха, Гегеля и материалистов XVIII века (Вольтера, Дидро, Жан-Жака Руссо).

Интерес к литературе Греции и эпохи Возрождения у меня возник не без влияния профессора ботаники Сергея Сергеевича Станкова, который в эти годы трудился над рукописью своей очень интересно написанной книги «Линней, Руссо, Ламарк».

На нашем курсе меня считали знатоком философии, я участвовала во всех диспутах по диалектике, а девушки посмеивались над моими увлечениями.

Я успешно училась на геоботаническом отделении биофака после пропуска на I-м курсе, получала повышенную стипендию и должна была окончить университет в 1937 году. Я мечтала об исследовательской работе и дальних ботанических экспедициях в Крым, на Кавказ, на Алтай и на озеро Байкал и реку Ангару. В 1936 году заведующий кафедрой ГГУ профессор С.С. Станков направил меня, Баяна Ржанова и Зою Горохову в Крым изучать реликтовые леса из древовидного можжевельника и сосны Станкевича. Зоя Горохова уехала сразу в район Севастополя—Балаклавы, а мы с Баяном жили несколько недель в доме приезжающих Никитского ботанического сада и проводили геоботанические описания ценозов заповедного можжевельового леса на мысе Мартьян. В Гербарии Никитского ботанического сада мы хорошо познакомились с крымской флорой. Отсюда мы отправили в Горьковский университет собранный нами на мысе Мартьян гербарий. В свободные часы мы познакомились с ленинградскими ботаниками Анатолием Большим и Анатолием Маленьким (аспиранты Анатолий Софронович Коверга и Анатолий Парфенов). Они работали практикантами в отделе физиологии растений по ускоренному созреванию персиков. По вечерам мы вместе осматривали парки, ходили к морю, любовались лунной дорожкой с балкона дома приезжающих и, конечно, по каждому вопросу спорили. Я очень любила цветы, особенно розы, которые росли в розарии (до 5000 сортов) и наполняли весь Приморский парк чудесным ароматом. Мой восторг тушил Баян своими замечаниями: «Цветы — это роскошь! Они пролетариату и всем нам не нужны. Я даже не замечу, если около меня не будет цветов. А без хлеба, овощей, фруктов, одежды мы не можем обойтись».

*Антонина Секундо и Лидия Симанская.
1930-е годы*

Я ему возражала, что без цветов земля стала бы однообразной и безжизненной. Цветы радуют, смягчают нравы людей нежностью и красотой, вдохновляют поэтов, художников, архитекторов. Цветы везде — в орнаментальных украшениях зданий, на тканях, коврах, вазах, посуде, открытках, на всех предметах обихода. «Ты споришь со мной, а сам, как и я, любишь цветы». — «Нет, серьезно, я не люблю цветы. Они прикрывают грязь больших городов, мешают дышать в квартирах, стихи о цветах — бессмыслица, а букеты-пирамиды из георгинов — безвкусица!» — «Хватит спорить! Идите есть печеную рыбу!»

Морского петуха поймали удочкой без удилища в море и испекли на костре. Но и обжигаясь рыбой, я говорила Ржанову: «Уверена, что, споря, ты забываешь о сирени, черемухе, ландышах, розах и полевых цветах». — «Я не отказываюсь от того, что люблю! Я близорук и потому, вероятно, не разделяю твоих восторгов. Но по моим наблюдениям большинство людей проходят равнодушно мимо цветников». — «А может, это большинство равнодушно ко всему прекрасному — к природе, к музыке Бетховена, Моцарта, Чайковского, к картинам Леонардо да Винчи, Репина, Левитана, Маковского, Шишкина, Васнецова, Врубеля, к произведениям Пушкина, Чехо-

ва, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Шекспира и др.» — «Этих писателей, я все-таки, люблю!» — «Все-таки любишь!» — «Да, но я уверен, что человечество особенно не пострадало бы, если не узнало бы многих наших любимых авторов, а тем более твоих рассказов и моих стихов». — «Интересно, что надо твоему человечеству?» — «Деловым людям нужны работа, жилище, пища, лекарства, транспорт. Они редко посещают театр, концерты классической музыки, не читают даже газет и равнодушны к природе». — «Я не хотела бы походить на этих деловых людей. Мне без творчества было бы даже холодно и скучно жить. Увлекаясь литературным творчеством, я и научные работы пишу с легкостью и интересом». — «Мне не нравится, что ты всегда все приукрашиваешь. Тебя стихи и цветочки больше волнуют, чем наши стройки, работа на заводах и в колхозах. Они нам нужнее красоты». — «А для меня дом без кустов сирени не дом, город без парков и домового озеленения не нужен».

Его ответ прервал возглас: «Посмотрите, море светится!» «Свечение моря — это не космический, а биологический свет», — пояснил Анатолий Большой.

Мы направились к морю, где застали студентов-практикантов из Воронежа. Я забежала за большой камень, сбросила пестрый, ситцевый халатик и, оставшись в голубом купальном костюме, с удовольствием посмотрела на свой загар, выделяющийся на голубом фоне, и бросилась в сине-зеленую волну, которая под ударами моих рук загоралась еще ярче и ослепительнее. Я медленно поплыла от берега в огоньках и навстречу золотым огонькам.

Я думала: «Море, как зверь, рвущийся на свободу, полный не скованной человеком энергии. Оно глухо рычит и скребется о прибрежные скалы. Вернувшись домой, я буду долго вспоминать море и запах водорослей...»

Баян всегда возражает против очеловечения природы. А мне кажется, что море дышит, тихо приподнимая светящуюся золотом сине-зеленую грудь, на которой покачивается корабль с алыми парусами. Я его видела, но он растаял на горизонте в бескрайней сини. Я не уверена, что корабль с алыми парусами действительно был, а не показался в заходящих лучах солнца, как и берега Турции.

Освежившись в море, мы опять собрались у костра и заспорили. «Я хотела бы написать рассказ об этом вечере на светящемся море, — мечтательно сказала белокурая Майя — студентка Воронежского сельскохозяйственного института, — но для этого нужен талант». «Талант — это страсть и упорный труд», — заметила я. «Каждый, значит, по-твоему, может стать гением, если будет трудиться? — иронически переспросил Баян, — я так тебя понял?» «Не смешите, если было бы так, то было бы много Пушкиных и Чеховых, а не бездарных писак и композито-

Студенты-геоботаники Горьковского государственного университета Баян Ржанов и Лидия Симанская на преддипломной практике в Никитском ботаническом саду. Крым. 1936 год

ров!» — горячо возразил Анатолий Маленький. — «Это не так... Гений — явление исключительное... А талант может зависеть от обстоятельств и способности к труду. Слава к истинным талантам приходит обычно поздно, а жизнь — подвиг», — не сдавалась я, отстаивая свою точку зрения. «Так было прежде, а при социализме таланты имеют возможность гармонично развиваться», — поправил нас Анатолий Большой, но его с запальчивостью перебил один из воронежских студентов: «И при социализме слава нередко приходит преждевременно и незаслуженно. Одно удачное стихотворение — и уже поэт, посредственный, журналистский труд — и уже писатель... Не случайно много безликих, никого не волнующих произведений, которые хвалят критики, но никто не читает. Одно недоказанное открытие — и он ученый. И наоборот». — «Бывает... Но, отменяя мусор, у нас много талантливых советских ученых, художников, писателей, поэтов — Шолохов, Маяковский, Твардовский и другие. Надеюсь, не будете возражать?» «Среди большого количества людей, пришедших в науку

и художественное творчество, есть и сомнительные не-вежды и серые посредственности, — сказал убежденно Баян, — но важно то, что проснулись дремлющие дарования во всех уголках Советского Союза. И они создадут небывалый расцвет социалистической культуры». «Я не уверена в этом, — возразила я, — у нас еще нет условий для творчества, как у обеспеченных писателей прошлого, как у Льва Толстого, который мог 20–30 лет работать над своим романом “Война и мир”». — «Ты забываешь, что один день революции равен десяткам лет». — «Может быть, и так... Но совершенство требует много тщательного труда и много времени». — «Ты пишешь стихи?» — «Да, но может, и не надо правильного стихосложения, а важно уметь выразить свои мысли и чувства, хотя бы и белыми стихами». — «Как я писала в детстве:

*О жизнь, как ты изменчива,
Как сурова, и как играешь с нами,
То счастье мимолетное пошлешь,
А то несчастий целый ряд...»*

На горизонте показался парусный учебный корабль из Феодосии «Товарищ».

Майя звонко продекламировала: «“Белеет парус одинокий // В тумане моря голубом...” Можно ли написать прекраснее М. Лермонтова?» «А меня не меньше волнуют современные стихи, — перебил ее кто-то:

*Для Родины своей
Должны не отступать,
Ведь тает лед всегда,
Когда лишь разгорится пламя,
А в бою и жизнь
Готовы все отдать!».*

Никто не стал ему возражать. Слышно было только, как шумело море и волны ударялись о берег. Костер догорал, становилось прохладно, но нагревшиеся за день камни были еще теплыми. В небе появилось много холодно мерцающих звезд.

«А мы так и не окончили наш спор о том, что можно только трудом достичь славы и мастерства?» — вспомнил Анатолий Маленький. — «Можно, можно, конечно, можно!» «Не хотела бы я жить только, чтобы трудиться и трудиться!» — заявила золотокудрая Майя. «А для чего мы живем?» — возразили ей. «Живу для себя, своих родных и друзей, для того, чтобы жизнь была веселей». — «А как это сделать жизнь без труда?» «Но можно работать, как все, а не как талантливые люди, без одержимости». «А я думаю, что гениальность и талантливость зависят не от повышенной трудоспособности и условий жизни, а от наследственности», — нерешительно заметил Анатолий Маленький. «Ты, что за генетиков?» — прикрикнул на него Анатолий Большой. «Не хватает нам еще спора между лысенковцами и формальными генетиками! — горестно воскликнула Майя, — идемте лучше спать!»

Ущельем из лиан и аллей земляничных деревьев все пошли к дому приезжающих.

Чудесно пахло розами из розария, между пирамидальными кипарисами была видна серебристая лунная дорожка на потемневшем море.

На следующий день мы с Баяном работали напряженно в можжевелевом лесу на мысе Мартьян. Мы определяли незнакомые растения, засушивали гербарий из растений, характерных для этого средиземноморского типа растительности. Описывали 100- и 10-метровые площадки травянистого покрова можжевелевого леса с геоботаническими характеристиками: покрытие, обилие, жизненность, фенологию и т. д.

Из-за близорукости Баян испытывал затруднения при определении растений, и я ему помогала. Он был старательным учеником в ботанике, но наблюдательности при определении растений ему не хватало. Получили письмо от Зои Гороховой из Балаклавы. Она писала о своих успехах в изучении нескольких участков леса с преобладанием сосны Станкевича и о том, что побывала во всех достопримечательных местах Севастополя. Она была старше нас и любила следить за нашей нравственностью, а мы чувствовали себя лучше без ее строгой опеки. Мы были довольны, что не только работали, но и приятно отдыхали в Никитском ботаническом саду. Время летело у нас быстро. Мы обошли можжевелевый лес на мысе Мартьян, описали все возможные варианты встречающейся растительности, отослали посылку с крымским гербарием в ГГУ и разъехались с Баяном, не без сожаления. Он поехал описывать участки сохранившихся реликтовых можжевелевых лесов в районе Севастополя, Сименза, Ореанды, а я должна обследовать побережье от мыса Мартьян до Карадага, побывать в Туаке около Алушты, Семидворье, в Новом Свете около г. Судака и на Карадаге. В Никитском саду мы имели хорошую возможность ознакомиться с местным гербарием и литературой о можжевелевых лесах Крыма. Можжевелевые леса на мысе Мартьян имели такие средиземноморские элементы, как вечнозеленый земляничник с розовой блестящей корой с белыми цветами и ягодами, напоминающими лесную землянику (*Arbutus Anarachne*), ладонник (*Citrus Ladonipis*), иглица (*Ruscus Asuseatus*), ковыль (*Stipa Aristepi*) и другие средиземноморские виды. По движению на восток, после Алушты вечнозеленые средиземноморские виды перестают встречаться, появляются степные виды и даже представители полупустынь. Простившись с Баяном и ленинградцами, я стала путешествовать одна. Меня прозвали «странница по можжевеликам». В Туаке я увидела много домов, построенных из древовидного можжевелика (*Yuniperus excelsa*) и сохранившихся несмотря на столетнюю давность.

Я прочитала, что при раскопках в Керчи были найдены гробы из древовидного можжевелика в захоронениях сподвижников Митридата.

Рисунки Л.А. Симанской. 1936 год

Природные районы Крыма. Карта Л.А. Симанской. 1936 год

Там же в древних поселениях нашли можжевеловые угли. Можжевельник — это третичный реликт Крыма, он содержит очень ценные и недостаточно изученные смолы и эфирные масла, противостоящие гниению. К сожалению, в Крыму очень ценная древесина сжигается, идет на изготовление дешевых сувениров. Надо думать, что смолы и воздух в можжевеловых лесах очень полезны, особенно для лечения легочных больных. Жаль, что это дерево очень медленно растет и сохранилось только в немногих местах Крыма и в районе Новороссийска на Кавказе. В лесу Канак около Туака можжевельники очень старые, до 8–9 метров высотой, диаметром, соизмеримым с соснами. Лес Канак был в очень плохой сохранности, ветви на многих деревьях обрублены, молодой подрост уничтожен выпасом. Пока я описывала на пустынных склонах ассоциацию можжевельника с дикой фисташкой и кустарниками «держи дерево» и грабинника, из-за кустов вышли два молодых татарина дикого вида.

Я строго их спросила: «Вы лесники?» — «Нет!» — «Чабаны?» — «А что?» — «А то, что это заповедный лес из древовидного можжевельника и в нем запрещены порубки и выпас. Вы же нарушаете закон и будете за это отвечать!»

Они отошли и стали горячо спорить.

Я же тем временем быстро ушла по направлению линейного домика, где я остановилась у дорожного мастера. Дома хозяин невозмутимо сказал: «В лес к тебе пошли озорные парни. Их удивило, что ты одна по лесу ходишь. Они сказали, что тебя изнасилуют. У нас не принято порядочным женщинам держаться как мужчинам». — «И Вы спокойно отнеслись к их заявлениям?» — «Я им сказал, что ты вооружена, хорошо стреляешь и потому никого не боишься».

Я испугалась не так парней, как его равнодушия, и тотчас уехала в Туак, где выхлопотала двух рабочих-стариков и только с ними стала работать в местных лесах.

В Судаке я остановилась на биологической станции Парчем у лесника. Работать мне пришлось в Новом Свете, где сохранились участки леса из древовидного можжевельника с дикой фисташкой и колючим можжевельником, «держи-деревом», боярышниками и др.

В Новом Свете сохранилась память о подвалах князя Голицына, славившихся сортами виноградных вин. Можжевеловые деревья в этом районе более мелкие и имеют флагообразную и столбообразную кроны.

Рисунки Л.А. Симанской. 1936 год

В этом районе мне удалось первой описать склоны мыса Меганом. На мысе Меганом, кроме единичных можжевельников, росли вкусные деревья, лох, саксаул, там местами была солончаковая полупустыня с речушкой, теряющей русло. На мысе Меганом меня задержали пограничники и, пока выясняли, кто я такая, покормили украинским борщом и мягким белым хлебом, потом проводили до границы и посоветовали не заниматься больше ботаникой вблизи пограничного маяка. Но больше таинственный, в лиловых тенях мыс Меганом не манил меня загадочностью. Кругом было и без него много интересного, неприступные стены горы Сокол, башни Генуэзской крепости, континентальные террасы, поля казанлыкской розы и лаванды и т.д.

Но самое сильное впечатление на меня произвели вулканические Карадагские горы. Я остановилась в доме отдыха учителей, рядом с Карадагской биологической станцией, организованной биологом Вяземским, который на свои средства собрал редкостную библиотеку, покупая старинные книги у букинистов не только в России, но и в Европе.

Особенно меня поразило издание сочинений Гумбольдта с акварельными рисунками. Здесь был и прекрасный музей камней и морских животных. На Карагаче и Хобс-Тепе — редкие можжевельниковые деревья, остатки когда-то более широко распространенных лесов на отвесных южных склонах. Я детально флористически описала эти можжевельниковые леса и назвала: «Горный Юнипаретум». Море в этой части восточного Крыма было особенно сине-зеленым в оправе сказочно причудливых гор вулканического происхождения, покрытых оранжевым лишайником.

О Карадаге нельзя рассказать кратко. Это каменная поэма! Там из останцев выветривания образовались причудливые башни, морды зверей, фигуры короля и королевы, провальные колодцы, дворцы, Карадагские ворота в море, ревущий грот, мышьяная щель, Сердоловская бухта, агат, яшма. В Коктебеле дом Максимилиана Волошина.

При окончании Горьковского университета я написала дипломную работу «От мыса Мартыан до Карадага. Можжевельниковые леса Крыма». Эта работа была послана в Москву на Всесоюзный конкурс молодых научных работников. На конкурс были посланы также и дипломные работы Баяна Ржанова и Зои Гороховой. Было решено наши работы напечатать.

Моя рукопись из Москвы пришла в обком ВЛКСМ с положительным отзывом и рекомендацией на научную работу. Я, конечно, начала верить в свою одаренность. Когда я с замиранием сердца пришла

к своему руководителю дипломной работы профессору С.С. Станкову, он удивленно на меня взглянул и сказал: «Интересно!»

С тех пор я почувствовала, что в его отношении ко мне появился элемент надежды. И автограф на всех его книгах, подаренных мне: «Любимой ученице».

***

Была ли я истинным ботаником, как мой учитель? Кто знает? Может, я написала свое дипломное сочинение о древовидном можжевельнике интересно потому, что с детства любила сочинять и рисовать. Мои зарисовки с натуры университетский фотограф Званцев сфотографировал, а профессор с присущей ему литературной художественностью отредактировал текст дипломной работы. Приятно было после войны перелистать ее в квартире профессора С.С. Станкова в Москве на Ленинских горах. Но после смерти С.С. Станкова нам не удалось найти мою рукопись.

В 1983 году мне позвонила Александра Дмитриевна Смирнова из Горьковского университета и спросила: «Где Ваша студенческая рукопись о можжевеловых лесах Крыма? Мы хотим ее напечатать!» — «Но я была уверена, что эта рукопись передана после

смерти Сергея Сергеевича Горьковскому университету. Я видела мою рукопись в 1958 году, когда была у профессора С.С. Станкова в его квартире в Московском университете, в зоне «М» на Ленинских горах. Он ее отредактировал, и она выглядела очень привлекательно, иллюстрированная фотографиями и моими карандашными зарисовками с натуры: континентальные террасы в Судаче, старые можжевеловые деревья в лесу Канак, разнообразные кроны у древовидного можжевельника, что могло быть доказательством, что елочковидная крона не может служить видовым признаком. Профессор С.С. Станков собирался этот мой студенческий труд напечатать и напечатал бы, если бы не его преждевременная смерть в 1962 году. Черновики в 7–8 школьных тетрадях я отдала в год окончания университета (в 1937 году) в канцелярию деканата».

А дома у меня сохранились только черновые рисунки и фотографии. Я написала о моей исчезнувшей рукописи «От мыса Мартьян до Карадага» И.Н. Рябову и Приваловой в Никитский ботанический сад в Крым и жене С.С. Станкова М.Ф. Костиной в Москву, но ни я, ни А.Д. Смирнова даже следов моей рукописи не нашли.

Я примирилась с тем, что не судьба мне быть ботаником...

С.С. Станков (в центре) со студентами-геоботаниками, окончившими Горьковский государственный университет. 1937 год